

М.В. Нащокина

РУССКИЙ УСАДЕБНЫЙ ПАРК ЭПОХИ СИМВОЛИЗМА (К постановке проблемы)

Сейчас, на исходе XX в. все яснее становится тот факт, что богатейшая усадебная культура, понимаемая широко, составляла коренную и едва ли не большую часть нашей национальной культуры. К великому сожалению, очень многое в ней исчезло навсегда. Уничтоженные усадьбы унесли с собой и особую, некогда очень обширную область русского садово-паркового искусства. В ней утрачено так много, что само изучение — сбор архивного и натурного материала вызывает большие сложности. Тем не менее, на просторах России еще существуют сотни запущенных усадебных парков — заросших, повыврубленных, застроенных, но все же сохранивших частицы драгоценной исторической памяти. Для внимательного взгляда они еще могут рассказать о многом.

Говоря о неизученности нашего садово-паркового искусства, мы имеем в виду все периоды его существования — от Средневековья до Нового времени. Однако, как это ни странно, наименее известными являются особенности русского паркостроения конца XIX — начала XX вв., наиболее близкие к нам по времени. Редкие специалисты в этой области и сегодня традиционно обращают внимание лишь на крупные парки императорских резиденций Крыма, Кавказа и некоторые городские сады, оставляя за границами рассмотрения всю провинциальную усадебную культуру европейской России. Справедливости ради заметим, что до недавнего времени и усадьбы обозначенной эпохи практически не исследовались. Лишь в последние годы наметился интерес к наиболее ярким сохранившимся архитектурным ансамблям, созданным по проектам крупнейших русских зодчих. Композиционные и содержательные аспекты поздних усадебных парков при этом почти не затрагивались. В книге Д.С. Лихачева «Поэзия садов» (Спб, 1982; 1 издание) этот период вовсе не рассматривался. Хорошо иллюстрированные издания А.П. Вергунова и В.А. Горохова «Русские сады и парки» (М., 1988) и «Вертоград» (М., 1996) (во многом дублирующие друг друга), несмотря на некоторое расширение объектного ряда, относящегося ко второй половине XIX — началу XX века, все же остались в рамках формального архитектуроведения; традиционно не касавшегося вопросов семантики и символики, что сделало их выводы достаточно схематичными, лишь фрагментарно освещающими тему. Несмотря на расширение зафиксированных парковых усадебных композиций в новом издании «Памятников Московской области» (Т.1-3. М., 1998-2000), эта книга также почти не продвинула историю русских парков в содержательном отношении. И тому есть объективные причины — садово-парковое искусство России середины XVIII — начала XX вв., хотя и делится на ряд вполне определенных стилистических периодов, все же во

Золотой осенний день. Худ. М. Гермашев.
Открытка нач. XX в.

был по настоящему использован в работах по садово-парковому искусству, хотя имеет к нему прямое отношение.

Впрочем, стоит заметить, что все русское паркостроение XVIII-XIX вв. до сих пор представляет собой область, находящуюся на периферии искусствознания и архитектуроведения. Достаточно приближительна и схема его развития, невнятность которой в полной мере распространяется на вопросы самоценности и национальной специфики русских парков. Наиболее капитальной работой в этой сфере остается кандидатская диссертация Е.П. Щукиной «Подмосковные усадебные сады и парки второй половины XVIII века», написанная еще в 1951 г.¹ и вообще не касавшаяся парков XIX века.

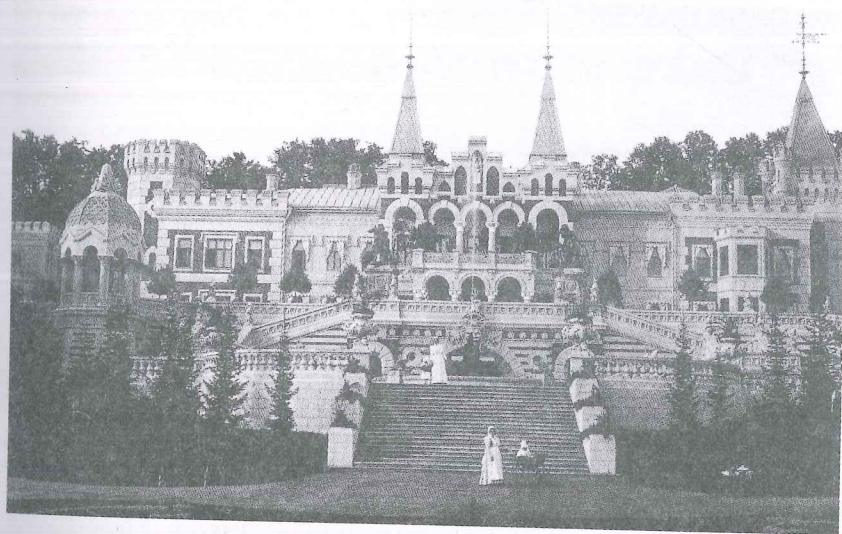
Таким образом, следует констатировать, что насущной задачей сегодняшнего дня продолжает оставаться накопление фактологии и проведение натурных обследований садово-парковых комплексов усадеб второй половины XIX — начала XX вв., которые сегодня нередко подвергаются необратимым процессам современной реконструкции, застройки и зарастания. Одновременно необходимо обобщать накопленный материал, уточняя архитектурно-художественные и теоретические основы русских садов и парков названного периода. В данной работе хотелось бы коснуться основных элементов поздних парков, которые могут рассматриваться в русле проблем русского символизма.

многом представляет собой цельный для изучения массив материала. Прежде всего потому, что большинство усадебных парков, заложенных в начале обозначенного периода дожило в том или ином виде до его конца, а значит как-то развивалось, трансформировалось или переосмысливалось. Чтобы узнать и объяснить эти наслоения, необходимо обладать не только широкими гуманитарными познаниями, но и специальными ботаническими. К тому же обобщение возможно лишь на базе многолетней исследовательской работы, в том числе на местах, а ее масштабы ничтожно малы. Ко всему прочему, отсутствует методология изучения поздних парков и специалисты, серьезно занимающиеся ими. Наиболее важной публикацией последнего времени, охватившей практически неизвестный биологический аспект проблемы, представляется книга Г.А. Поляковой «Подмосковные сады и парки.» (М., 1993), материал которой, к сожалению, еще не

***

«Едва я открою глаза, подойду к окну, отодвину штору и посмотрю в окно, как сразу делаюсь как бы неотъемлемой частью ландшафта, представшего перед моими глазами», — писал в Переделкине Валентин Катаев². Действительно, «родство» с родным пейзажем, любовь к земле — одно из самых глубоких свойств русской природы, во многом предопределившее сильнейшую духовную привязанность к скромным деревням и погостам, среднерусским полям и перелескам, сохраняющуюся и поныне, во времена тяжких духовных заблуждений и смуты. Оно, собственно, и обусловило необыкновенное временное постоянство и силу традиции «усадебного» образа жизни, который повсеместно проявляет себя и в настоящем.

Стремление к красоте, к пересозданию по ее законам всей среды обитания было одним из важных мировоззренческих положений эпохи символизма, охватывавшей период с 1880-х по 1910-е годы.³ Ощущение красоты, рождавшееся в усадьбах, среди скромной, но бесконечно разнообразной русской природы, составляло все еще устойчивую константу российского бытия, тем более важную для миропонимания рубежа веков, когда в него властно входили, противоположные по своим духовным и эмоциональным устремлениям темы. Образ мрачного города-спрута отступал перед реалиями усадебных пейзажей, большей частью еще нетронутых, как бы неподвластных времени. Русская природа — зримое произведение Творца оказывалась своеобразной антиномией трагической инфернальности символистского мироощущения⁴. (Смакование обреченности, конечно, возможно лишь в литературных изысках и неприемлемо для жизни, обыч-

Вид усадебного дома в имении С.П. фон Дервиза в Кирицах Рязанской губернии.
Фото 1880-х гг.

Весна. Худ. И.И. Левитан. Открытка нач. XX в.

но всегда находящей жизнеспособную альтернативу). Она привлекала не только «картинно», как во времена Пушкина⁵, а властно, чувственно, будя в человеке первобытные инстинкты и, порой, животные страсти:

Занеси в мои улады
Запах лога и корней,—
Дух полынный, вялость прели,
Смольный дух опалых хвой,
И пустынный вопль свирели,
И Дриады шалый вой!⁶

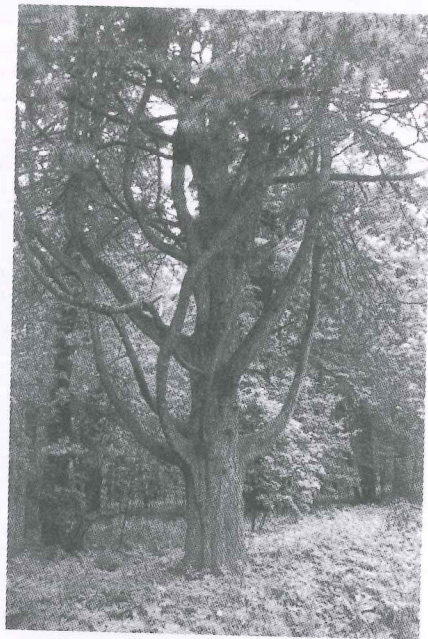
Неслучайно, русский пейзаж стал одним из самых постоянных «героев» русской литературы и живописи всего XIX и начала XX веков, помогая самим adeptам символизма преодолеть дуализм и неустойчивость его этических оснований. Александр Блок писал: «Только часто прикасаясь взором к природе, отдаваясь свободно зримому и яркому простору, можно отряхивать с себя гнет боязни слов, расплывчатой и неуверенной мысли. Она говорит: я — сама природа. (...) ...а главное, что живая и населенная многими породами существ природа — мстит пренебрегающим ее далями и ее красками — не символическими и не мистическими, а изумительными в своей простоте.»⁷

Удивительную сросшенность с окружающим ландшафтом, обживание и преобразование его по законам красоты и гармонии, действительно, можно отнести к самым характерным родовым чертам русского усадебного паркостроения XVIII — XIX в., сохранявшимся вплоть до начала XX в. Рассматривая общую картину планировочного развития усадеб, можно констатировать, что от сравнитель-

но небольшого числа простых планировочных схем барочных усадеб первой половины и середины XVIII в. оно, постоянно обогащаясь, шло к свободной (в смысле свободы выбора, нестесненности какими-либо ограничениями), в том числе и регулярной, планировке местности с учетом всех ее ландшафтных особенностей во второй половине XIX — начале XX вв. Подчеркнем, что поздние усадебные комплексы нельзя обобщить по принципу планировочной композиции (как в свое время сделала Щукина⁸) — их схемы в этот период были чрезвычайно разнообразны. Одни включали в себя старые регулярные и пейзажные парки, прежние цепи каскадных прудов, лишь дополняя их яркими клумбами, бассейнами с фонтанами, стенами из выющихся растений и редкими древесными породами, другие — претворяли в жизнь красоты современных западноевропейских парков с их затейливыми планировками и контрастом сменявших друг друга пейзажных картин, третьи — тонко и ювелирно использовали существующие особенности среднерусского рельефа, создавая принципиально иные парковые системы.

Созидая, в полном смысле слова, мир своей усадьбы, владельцы, как правило, наполняли его новой, самостоятельно сочиненной топонимикой. Творчество начиналось с самих усадебных названий. Хотя, как и прежде, историческая топонимика сохраняла приоритет, многие новые комплексы получали имена по владельцам, или, чаще, владелицам. Это — Любвино (Любови Пыльцовой), Танино (Татьяны Ляминой), Степино (Степана Рябушинского), Грачевка (бывшее Ховрино) М.С. Грачева, Морозовка (бывшее Льялово) Н.Д. Морозова и т.д.

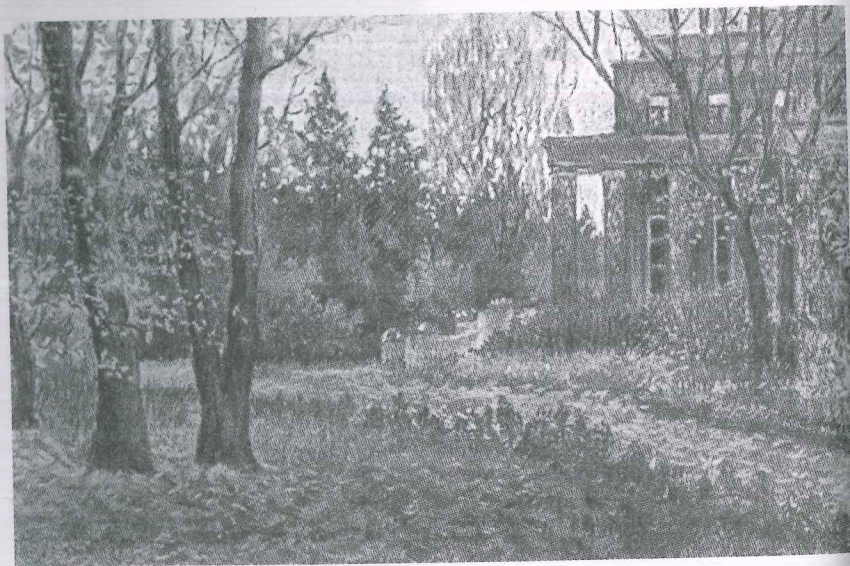
Важную роль в этот период играла внутрисемейная, если так можно выразиться, усадебная топонимика, для которой были характерны самые неожиданные литературно-художественные ассоциации и тесная связь с семейными событиями. Она естественным образом продолжала традиции аллегорической и романтической усадебной топонимии конца XVIII — начала XIX века, наиболее полно сохранившейся в императорских резиденциях под Петербургом, а по литературе известной во многих усадьбах того времени (подмосковных Кускове и Архангельском, пензенском Надеждине, крымской Алушке, выборгском Монрепо и т.д.). Конец века необычайно широко распространил семейную топонимику, перенес ее на самые маленькие владения, даже на дачные участки, и внес в нее легкий оттенок иронии и

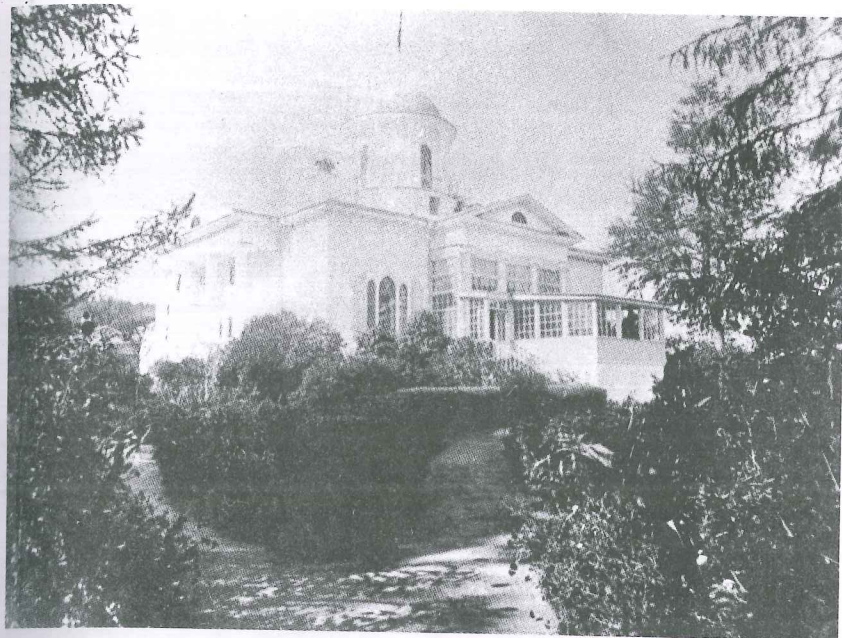
Сосна веймутова в усадебном парке подмосковных Ордынцев. Фото автора. 2001.

гротеска. Свой огород в Мелихове Чехов шутливо называл «Юг Франции», поскольку там росли артишоки и спаржа, а раскидистый усадебный вяз почтенного возраста именовал «Мамврийским дубом». В усадьбе Воейковых Ольховец, хозеява называли высокие тополя, некогда высаженные в честь рождения дочерей — Великанами.⁹ В крымской усадьбе Н.Я. Данилевского Мшатка находились Сашина горка (в память старшего брата владельца), Гефсиманский сад, Весенний сад, Кипарисовый зал, Мавританский фонтан и т.д.¹⁰ В крымском же Кучук-Кое Я.Е. Жуковского была выстроена «лестница Иакова», а часть сада носила название «Дебри»¹¹. Этот ряд, который может быть сколь угодно долго продолжен, чрезвычайно интересен; а поскольку он еще никогда не исследовался, его изучение, думается, таит немало любопытных открытий. Наполняя усадьбы собственной топонимикой, владельцы обживали ее пространство как-то особенно чувственно, интимно. Части сада таким образом как бы становились частями их внутреннего мира, их частной умозрительной вселенной.

Не менее ярким проявлением личностного начала в поздних усадьбах был и сам сад, возделанный по собственному замыслу и уже этим связанный со своим первообразом — цветущим, благоухающим Райским садом, наполненным всеми возможными на земле растениями. Расширение географических и культурных горизонтов во второй половине XIX века, появление множества новых международных связей необыкновенно раздвинуло рамки естественнонаучных знаний. Обилие всевозможных, впервые появившихся биологических, ботанических, зоологических атласов, словарей и энциклопедий не только питало любопытство обывателей, но и порождало желание познакомиться с их персонажами воочию.

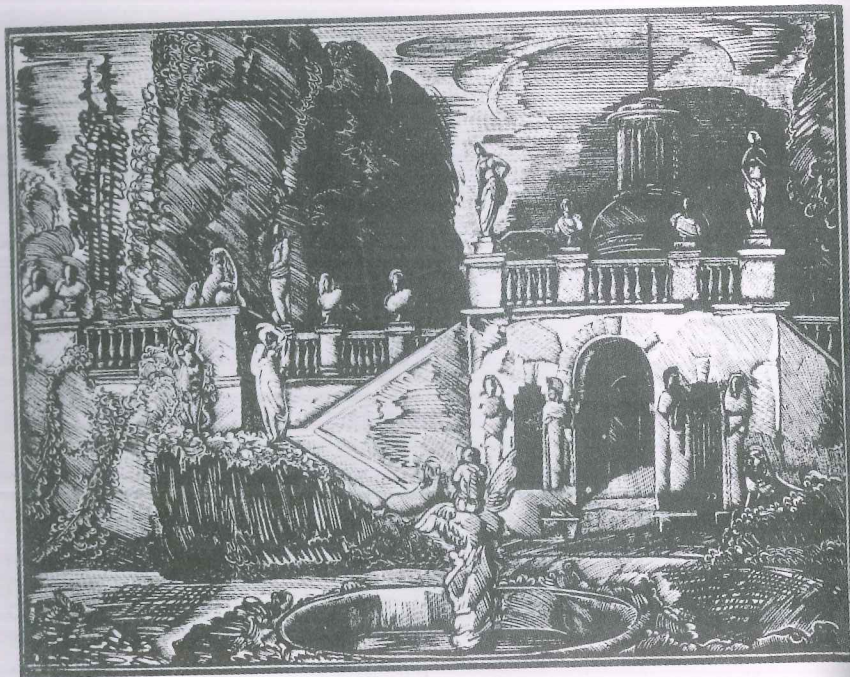
Осень в парке. Худ. Б.М. Боголюбов. Открытка нач. XX в.

Цветники перед господским домом в усадьбе Леонтьевых (Зубовых) во Владимирской губернии. Фото конца XIX в. (?)

Именно тогда в усадьбах расцвело массовое ботаническое коллекционирование, а затем и более, конечно, редкое увлечение селекцией — выведением новых видов растений (сад Симиренко в Крыму и т.д.). Просвещенными владельцами сад нередко мыслился в этот период как коллекция, будь то семейных раритетов¹², произведений искусства (Новый Кучук-Кой Я.Е. Жуковского) или растений.

Ассортимент популярной подмосковной усадебной флоры того времени представлен в каталоге сада усадьбы Никольское князя П.П. Трубецкого¹³, где даже выращивали растения на продажу. Его составителем был садовник Карл Энке — почетный член Петербургского Общества садоводства, и Садового Общества в Генте, член-корреспондент Общества садоводства в Москве, Франкфурте, Брюсселе, Антверпене и т.д. В предисловии к каталогу он писал, что «в нем помещены растения, заслуживающие внимания или по красоте листьев или цветов. Все растения посредственные, помещенные в прежних каталогах, удалены и заменены новыми и красивейшими...».¹⁴ Перечень выращиваемых в Никольском культур, весьма разнообразный, хорошо проясняет как интересы русских усадебовладельцев того времени, так и возможности их садовников. Среди тепличных растений немало кактусовых, ананасных, папоротников, орхидей. Одних пальм в нем помещено более 100 видов. Среди оранжерейных и грунтовых растений много цветущих видов — акация, банксия, клематис, магнолия, мирт, аза-

Архангельское. Худ. А. Кравченко. 1922.

лии, камелии, фуксии, розы, пионы древесные, рододендроны, канны, гвоздики, георгины, шпажник, флоксы, петунии и т.д.

Богатство садовых форм несомненно входило в ряд самых приоритетных критериев для усадебладельцев второй половины XIX века. Приведем еще один пример. Когда в 1882 г. Л.Н. Толстой с супругой подыскивали дом в Москве, дядя Софьи Андреевны описывал свои впечатления о подобранной усадьбе в Хамовниках в письме писателю: «Я опять любовался садом: роз больше, чем в садах Гафиза; клубники и крыжовника — бездна. Яблонь деревьев с десять, вишен будет штук 30; 2-3 сливы, много кустов малины и даже несколько барбариса. Вода — тут же, чуть ли не лучше мытищенской! А воздух, а тишина! И это посреди столпотворения. Нельзя не купить».¹⁵

Важно подчеркнуть, что сад эпохи символизма никогда не старался воспроизвести нетронутую природу, как это было в период романтизма, напротив, он гордился своей очевидной, бросающейся в глаза рукотворностью. А.П. Чехов — создатель сада в ялтинской Аутке, например, говорил А.И. Куприну: «Ведь здесь же до меня был пустырь и нелепые овраги, все в камнях и чертополохе. А я вот пришел и сделал из этой дичи культурное, красивое место... Знаете ли, через триста-четыре-пятьдесят лет вся земля обратится в цветущий сад».¹⁶ Сад «вечной весны» был одной из главных ипостасей сада русского символизма, а «вечная весна», «священная весна» (Ver Sacrum) — одной из неизменных тем и метафор символистской литерату-

ры. Это легко проиллюстрировать тем же меликовским примером. Впервые став усадебовладельцем, Чехов сразу создал свой первый (реальный!) вишневый сад — он высадил возле дома около тысячи вишен и некоторые другие деревья и кустарники.¹⁷ Для усадебного сада эпохи классицизма создание такого «монофруктового» сада было совершенно не характерно. Цветущий вишневый сад был для Чехова и его литературной героини, прежде всего, воплощением весны — дивным, благоуханным и, увы... кратким зрелищем, символом молодости, чистоты, света, надежды. В понимании современников «символизм вовсе не связан органически с тем, что Рибо называет «расплывчатым воображением». Можно воспроизводить совершенно реальные образы, но мыслить и чувствовать в то же время нечто большее, нечто иное».¹⁸ Это суждение весьма точно характеризует образную методологию русского символизма как иного, смотрящего вглубь вещей способа мышления, всегда отталкивавшегося от конкретики жизни, но наделявшего неприятные события и обычные предметы глубоким символическим смыслом. Русские символисты увидели символичность везде, в каждом жизненном движении, возможно, этому помогал их христианский опыт, предполагавший веру в чудесное и ощущение постоянного присутствия Творца. Старый вишневый сад Раневской — это и реальность, и красивая современная литературная аллегория, волновавшая Чехова. Так ее и понимали первые читатели: «Вишневый сад» — это накопленная нами культура. Для каждого поколения в его юные годы она распускается роскошными, чистыми цветами; но цветы эти скоро опадают, плоды рождаются не каждый год, да и давать их, по словам купца Лопухина, некуда. Когда же наступает осень, когда исчезают иллюзии молодости, — обнажается вырождение этой культуры, ее бесплодность. Тогда для каждого стороннего наблюдателя становится ясным, что корни деревьев сгнили и конечная гибель их — вопрос времени.»¹⁹

Цветочное оформление парковых террас в Архангельском нач. XX в. Фото 1920-х гг.

Вид с веранды господского дома в подмосковной усадьбе Плещеево в парк — на фонтан и цветники. Фото кон. XIX в.

Символизм принес с собой, или, скорее, зафиксировал в своих произведениях иное ощущение времени, особенно исторического времени. Символисты, как никто до них, услышали гул дней творения и почувствовали стремительность цивилизационного хода. Нарушилось привычное ощущение ценности человеческой жизни, она стала как бы неглавной, более вписанной, чем раньше, в поток времени, ее затмили глобальные общественные и культурные движения, гибель народов, цивилизаций, планет. В 1910 году земляне ждали столкновения с кометой Галлея, в

Цветники из выщепшей зелени в подмосковной усадьбе фон Мекка Плещеево. Фото конца XIX в.

1908 г. Л. Бакст написал свое полотно «Античный ужас», писатели и философы размышляли о конце европейской цивилизации. Все это приметы изменения масштаба временного восприятия истории, проявившегося и в отношении к усадьбам.

Едва ли не самым важным мировоззренческим изменением, происшедшим в эпоху символизма в сфере осмысления русской усадебной культуры было надевание усадеб XVIII — начала XIX вв. чертами национального идеала. Такой взгляд заведомо предполагал историческую дистанцированность их от современного человека. Идеал ведь всегда очищен от подробностей, обобщен и существует в этом виде только в нашем воображении. Благодаря, такой трактовке усадеб, отдельные составляющие ее композиции, вполне конкретные и еще существовавшие во множестве постройки и элементы парка, приобретали своего рода эмблематическое значение. Как известно, даже не слишком развитый садово-парковый усадебный комплекс традиционно включал парк для прогулок, фруктовый сад, огород, оранжерейное хозяйство, которые могли композиционно накладываться друг на друга и делиться на более мелкие части (например, зеленник, овощник, цветочное хозяйство, теплицы и т.д.). Символизация окружающего мира распространялась на все основные компоненты усадеб — главный дом, службы, оранжерею (иногда — зимний сад), парк, сад, беседки, цветники, аллеи, пруды. Это, собственно, были те знаковые образы, восприятие которых (в любых сочетаниях) давало современникам полноценное ощущение усадебности как воплощения русской культуры и истории. Конечно, это не означает, что этими элементами усадебные композиции полностью исчерпывались, вовсе нет, к тому же они могли присутствовать не все или, напротив, существовать во множественном числе. Однако без них любой усадебный ансамбль не воспринимался полным.

Небольшое чеховское Мелихово, например, представляло собой не что иное, как миниатюрную модель, своего рода «конспект» традиционной барской подмосковной с домом на берегу реки, службами, фруктовым садом, копаным прудом, несколькими парковыми аллеями, крошечным «парнасом» и белоколонной беседкой. Таких усадеб в России были десятки тысяч. Представляется, что смысловая трансформация, наделившая эмблематическим смыслом основные элементы парка и сада, имела решающее значение для формирования садово-парковых усадебных ансамблей 1880-1910-х годов. «Повзрослевший» за прошедшие годы романтический пейзажный парк как будто сам собой становился более монументальным и величественным; своевольно разрастались и кустарники. Рукотворная усадебная природа явственно проявляла свою витальную силу, пробуждая у современников эпохи символизма мысли о непреходящем, свободном от суеты, вечном. Перенесение акцента с целостного ансамбля на отдельные, но обязательные для полноты восприятия элементы подарило нам чрезвычайное разнообразие парковых образов и усадебных планировок, включивших в себя большинство приемов и планировочных схем предшествующего периода.

Итак, если мысленно представить себе собирательный образ усадебного парка эпохи символизма, то есть конца XIX — начала XX вв., то в сознании наверняка возникнут три его обязательных элемента — цветник, аллея и пруд, дополненные беседкой — самым распространенным тогда парковым сооружением. Попробуем рассмотреть особенности каждого из этих элементов в отдельности. Думается, они помогут приблизиться к пониманию своеобразия русского садово-паркового искусства того времени.

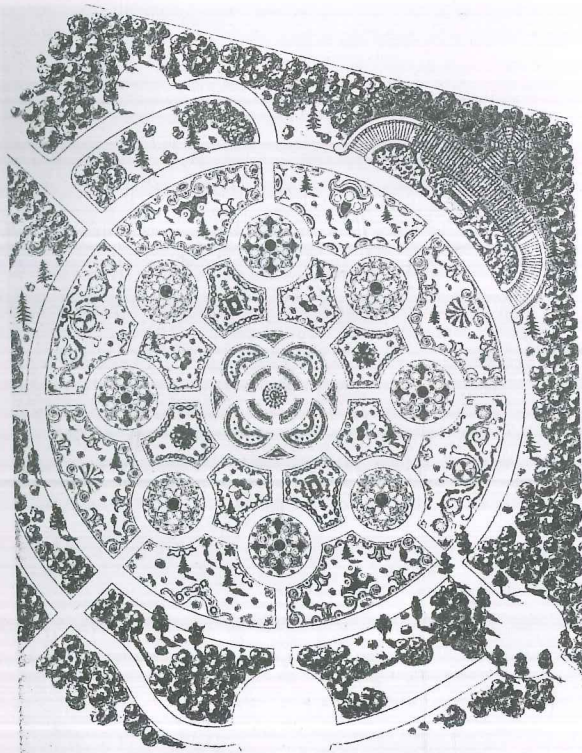

Фонтан на цветочном партере перед главным домом в подмосковной усадьбе Поречье Медведниковых. Фото автора. 2001.

Цветочное обрамление парковой дорожки в подмосковной усадьбе Плещеево. Фото кон. XIX в.

Цветник Трудно представить себе позднюю русскую усадьбу без цветника, хотя бы самого маленького. Он — неременный спутник усадебного дома, он встречает подъезжающих у главного входа, к нему можно спуститься с открытых веранд или закрытых террас, он обычный атрибут лестничных спусков — или в виде пестрых клумб, или в виде садовых ваз с растущими в них цветами, он сопутствует садовым скамейкам и беседкам.

Проект русского цветочного сада для Средней России.
Составил А. Регель. 1886.

фотография усадьбы Миндовских Миндово 1890-х годов в Костромской губернии.²⁰

Владельцы Миндова считали такие цветники клумбами в английском вкусе.²¹ «Цветники были расположены под горкой против дома по берегу реки Серебрянки. Посредине был расположен бассейн с фонтаном. Одно время в бассейне плавали золотые рыбки. (...) Вокруг фонтана правильными кругами и радиусами на протяжении в несколько десятков футов были рассажены низкорастущие цветы, образуя причудливые узоры. Между грядками были протянуты красные нити из битого кирпича, что давало возможность ухаживать за растениями и подходить к каменной рампе фонтана. Вокруг большого центрального цветника проходила кольцевая дорожка, а от нее тянулись во все стороны восемь радиальных дорожек из тонкого речного песка, углубляясь в рассаженные по бокам группы подстриженных кустов и деревьев, в тени которых были разбросаны удобные садовые скамейки с глубокими изогнутыми спинками. Вдоль этих радиальных дорожек росли все более высокие цветущие растения частью декоративного характера как разноцветные астры, георгины, лилии, мальвы и штамбовые розы (шток-розы, привитые на стволе — М.Н.) и часть благовонные: резеда, левкой, центи-

В книге А. Регеля «Изящное садоводство и художественные сады. Историко-дидактический очерк», изданной в С.-Петербурге в 1896 г. показан нехитрый прием проектирования цветников. Он весьма прост, и хотя у Регеля приведено всего несколько примеров, ясно, что их бесконечное множество и их создание доступно каждому. В самом деле, с помощью циркуля можно создать на бумаге любые варианты взаимопересекающихся кругов, колец, плавные кривые, сплетающиеся в геометрически правильные узоры. Так владельцы и поступали. Вариант круглой, декорированной узорами из песка и битого кирпича клумбы демонстрирует

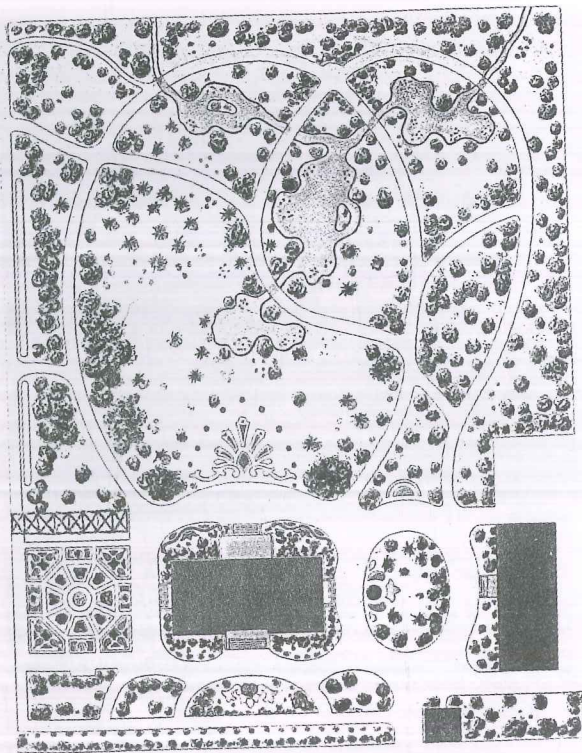

Цветник перед главным домом в усадьбе Миндова Костромской губернии. Фото 1890-х гг.

вольные (многолепестковые — М.Н.) розы, гелиотроп, душистый горошек, табак, махровые белые и бледно-розовые пионы, распространявшие на далекое расстояние свой аромат. (...) На площадке вокруг крокета росли кустарники жасмина, шиповника и персидской сирени, дававшие свое полное цветение к Троицкундню в те годы, когда пасха не была очень ранней.»²² Собственно, это развернутое описание отразило почти все, типичные для цветников в поздних русских усадьбах, черты и может служить их обобщенным образом.

Популярная тогда роскошь южной природы, окружавшая многочисленных русских путешественников на юге Франции, в Италии, на Южном берегу Крыма и на Кавказе, как нельзя лучше воплощала устремленность парковых композиций эпохи символизма к природной пышности, ярким цветовым сочетаниям в ландшафте парка и редким, экзотическим по происхождению или форме и, желательнo, цветущим деревьям, кустам, цветам. Входы в дом, террасы, веранды, ближние деревья, навесы над скамейками, а, иногда, и весь дом в этот период покрывала плотная зелень выходящих растений. Это были своего рода зеленые «гардины». С их помощью дом сам превращался как бы в огромный цветник. Цветы на клумбах в это время выбирались, как правило, очень ярких контрастных оттенков. Флоксы, астры, георгины, ирисы, пионы, тюльпаны, петунии, лилии, анютины глазки, настурции, мальвы и, конечно, розы были фаворитами парков поздней русской усадьбы. Нередко клумбы обсаживали цветущими кустарниками — сиренью или спиреей, как, например, в костромском имении Корниловых Зиновьеве.²³ Весьма часто в цветники высаживали на лето или представляли в кадках оранжерейные растения — агавы, пальмы, стриженные мирты и лавры. В солнечный денек они усиливали сходство среднерусско-

Проект дачного (усадебного) парка с зимующими растениями для Северной России. Сост. А. Регель. 1891.

Очень популярными стали липовые аллеи в период барокко, когда в среднерусских усадьбах широко распространились небольшие парки с простыми геометризованными планами. Предпочтение липам было отдано из-за их податливости стрижке, однако, по-настоящему ухоженные стриженные парки были по силам лишь императорскому двору и самым влиятельным и богатым русским вельможам. Большинству поместного дворянства поддерживать образцовый порядок, на который были рассчитаны регулярные голландские и французские сады, было затруднительно, да, и казалось, вероятно, не слишком обязательным.

Во всяком случае, к началу XIX в. большинство старых регулярных усадебных парков, образованных липовыми аллеями, уже превратились в монументальные тенистые массивы. Однако прокладка регулярных аллей не была забыта и в период преобладания ландшафтного паркостроения первой трети XIX в. (так называемых английских садов), да и позднее. Немало усадебных парков на протяжении всего XIX в. получили простые регулярные планы (или преобладание регулярных элементов). Приведем в пример парки нескольких нижегородских усадеб — Высы (1821), Рогожки (середина XIX в.), Криуши (конец XIX в.) Пели-Хованской

го усадебного сада с курортным югом. В этом легко убедиться посмотрев немало сохранившихся усадебных фотографий начала XX в. Приведем лишь один пример — зеленое убранство главного дома в усадьбе Трубецких Узкое в ближайших окрестностях Москвы.²⁴

Аллеи — неотъемлемый атрибут русской усадьбы, начиная с позднего Средневековья. Любовь к ним складывалась в русском сознании постепенно. Уже сады Алексея Михайловича в Измайлове, хорошо известные нам по сохранившимся чертежам, имели несколько регулярных дорожек с древесной обсадкой по сторонам.

(конец XIX в.), Теплового Стана [вторая половина XIX в.], Зименок (середина XIX в.)²⁵ Кстати, до сих пор на это обстоятельство не обращали внимания, стараясь упростить процесс развития садово-паркового искусства, приблизив его к теоретическим сочинениям и более известной западноевропейской практике.

Спасавшие от летнего зноя аллеи, не требовали сложного ухода и были наиболее приспособлены и для уединенных прогулок с книгой в руках, и для дружеского общения. Благодаря этому в новых парках, несмотря на кажущееся преобладание в теории и практике принципов ландшафтного паркостроения, по-прежнему почти непременно создавались регулярные части (обычно возле дома) или закладывались отдельные (иногда очень длинные) аллеи. Они и создали один из самых устойчивых стереотипов восприятия среднерусских усадеб — те «темные аллеи», которые в начале XX века стали восприниматься как обобщающий образ ушедшей России, ее утраченной высокой культуры, успевшей сделать часть ее ландшафта рукотворной, преобразованной по законам красоты.

Кстати, многие усадебные аллеи «темными» как раз не были. Напротив, часто это были широкие, светлые и величественные «галереи» в природе, ограниченные с обеих сторон мерно посаженными деревьями, как колоннами. Необыкновенно торжественна аллея липовниц в подмосковном Середникове, ведущая к пруду. Думается, что ее возраст немного превышает сто лет, а следовательно она появилась в усадьбе уже во второй половине XIX в.

Что может быть привычнее и естественнее в России с ее бесконечными проселочными дорогами, чем традиционная подъездная аллея. Для ее обсадки в XVIII — первой половине XIX в., как правило, использовались местные породы — чаще липовые — липа, клен, вяз, дуб, береза. Примером могут служить широко извест-

Сосновая аллея. Худ. А.М. Васнецов. Открытка нач. XX в.

Парковая аллея в подмосковных Ордынцах. Фото автора. 2001.

Липовая аллея в подмосковной усадьбе Поречье Медведниковых. Фото автора. 2001.

ные березовые аллеи при подъезде к Ясной Поляне Толстого или Хмелите Грибоедовых. Эти породы использовались для обсадки и позднее. Могучая четырехрядная липовая аллея подходит к усадебному дому конца XIX в. в Ветошкине (Нижегородская обл.).²⁶ Дубовые аллеи, посаженные в середине и конце XIX в., ведут в усадьбу Дугино (Смоленская область), усадьбу Алтун (Псковская область), Грачевку (Ховрино, Москва). В усадьбе Александрино (Смоленская обл.) были разбиты смешанные двурядные аллеи — во внутреннем ряду дубы, во внешнем — липы²⁷. В Подмосковье в усадьбе Храброво к пруду, обсаженному липами, некогда вела кленовая аллея²⁸, к Боблову Д.И. Менделеева подводила аллея вязов с изысканно кружевной «букетами» — по несколько штук в одно углубление²⁹.

Во второй половине XIX века большую популярность для аллеиных посадок приобрели хвойные деревья, в том числе, интродуценты — лиственница, сибирская пихта, сосна, ель. Великолепна широкая (15 м) 250-метровая аллея лиственниц в усадьбе Морозиха³⁰ и аллеи лиственниц Сукачева, образующие в плане букву П на Баронском хуторе баронов Жомени³¹, также в Нижегородской области. Очень выразительны подъездные лиственничные аллеи конца XIX в. в подмосковных Липках-Алексейске, Узком, во владимирских вотчинах Храповицких, в подмосковном Никольском-Обольянинове, сосновые аллеи в парках Покровского-Стрешнева, Никольского-Гагарина и т.д. Уникальны аллеи сибирской пихты в Удине³².

Березовые или ивовые аллеи в ранних усадьбах были менее распространены, в иерархии деревьев они уступали более ценным и долговечным породам.

Дубовая подъездная аллея в усадьбе Алтун Псковской области. Фото автора. 2000.

Тем не менее, в эпоху символизма, когда большую роль стал играть цвет листвы, стволов деревьев, соцветий, такие аллеи стали очень популярными. На березовую обсадку порой меняли даже старые липовые посадки. Например, в подмосковной вотчине Бибиковых Гребневе в старом регулярном парке XVIII в. в конце прошлого века на нескольких аллеях липы были заменены березами, что создало не только цветовой контраст, но и несомненный контраст ощущений — березовые аллеи были светлее, теплее и радостнее. Березовые аллеи были устроены вдоль р. Вазузы и в других частях парка усадьбы Высокое Шереметевых в Смоленской области³³. Образ такой аллеи удачно передан М.А. Врубелем в портрете жены, относящемся к 1904 г. (К сожалению, эти стилистические трансформации, как правило, не учитываются при реставрации регулярных парков, где повсеместно принято возобновлять только липовые посадки, игнорируя нередкие образные новации более позднего времени.) Березовая «Белая аллея» в Ивановке Тамбовской губернии была любимой у С.В. Рахманинова. По соображениям цветового контраста там была посажена и Красная аллея, состоявшая из кленов Шведлера, имевших весной и осенью темно-пурпурный цвет листвы. Подобные яркие моноцветные аллеи — одна из специфических черт усадьбы эпохи символизма, тяготеющей к природному многоцветью.

Обычной для рассматриваемого времени стала обсадка прудов ивами белыми или, как их чаще называют, серебристыми. Ивовая обсадка прудов сохранилась в Болдине³⁴, Ветошкине³⁵, речных берегов — в Никитине³⁶ (Нижегородской обл.) и т.д. Популярными в парках второй половины XIX в. стали и тополя, причем разных видов — берлинские (пирамидальные), канадские (дельтовидные), белые. Много видов то-

Липовая аллея на плотине между прудами в усадьбе князей Трубецких Узкое. Фото автора. 2001.

Такая аллея была в упомянутом менделеевском Боблове (кроме того, она была обсажена живой изгородью из кустов акации и жимолости⁴²), в подмосковном Ильинском, в Ивановке Рахманинова (известно, что белая сирень была любимым цветком композитора), и во многих других усадьбах Северной, Средней и Центральной России. Купы сирени, как правило, обрамляли дом (Абрамцево, Домотканово) или высаживались на центральную клумбу перед его фасадом (Воронцовка Тамбовской губ.); их сохранили многие усадебные парки. Знаменитое полотно М.А. Врубеля «Сирень» живо иллюстрирует вид такой цветущей аллеи или купы весенним вечером — в излюбленное для символистского сада время.

Не менее важным качеством усадебного сада была его наполненность пеньем птиц (весной) и напоенность дивными запахами. Характерное описание усадьбы, звучащей голосами птиц и утопающей в свежих ароматах сада, содержится в воспоминаниях

полей росло в Самуйлове Голицыных (Смоленская обл.).³⁷ Тополевые аллеи были в Дугине Паниных³⁸ и Флёнове Тенишевой (канадские тополя)³⁹ (Смоленская обл.). Особой популярностью пользовались тополя белые или серебристые, обычно быстро набравшие высоту и имевшие красивую крону. Они создавали желанный цветовой акцент в куртинах на фоне остальной парковой зелени и цветочной листвы, и цветом стволов. Это хорошо иллюстрируют белые тополя в парках тверских усадеб — Чукавина и Коноплина. Аллеи могучих серебристых тополей украшали парки в Новой Слободе (Кочубеев)⁴⁰ и в Быковке⁴¹ (Нижегородской обл.).

Особую популярность в те годы приобрели аллеи, обсаженные кустами сирени.

ниях В.П. Зилоти, описавшей подмосковную усадьбу Сапожниковых Куракино, много лет подряд снимавшуюся на лето Третьяковыми: «Были здесь и старинные липовые аллеи и много лужаек, среди которых высились громадные плакучие березы и группы сосен; множество было кустов сирени, шиповника, жасмина, жимолости. Был и пруд, покрытый кувшинками, с плакучими ивами на чужом берегу. Соловьи по веснам щелкали с вечера до ночи. Днем щебетали и пели всевозможные птички. Из-за Клязьмы, до которой шел громадный заливной луг, куковали кукушки.»⁴³ Эпоха символизма вообще была равнодушна к запахам — сколько строк в литературе того времени констатировало различные ароматы — дорогих духов, нередко смешанных с запахом табака (терпким, удушливым, крепким, дорогим) и т.д. Однако едва ли не самым пленительным набором запахов обладали сад или парк.

Волнующий, цветущий, «соловьиный» сад весной — черемуховый, сиреневый, яблоневый, вишневый. Он же летом — пряный, наполненный, липовый, с цветущими медоносными лужайками, гудящими пчелами и кузнечиками, а осенью торжественно печальный и неподвижный — с запахами прелого листа, сырости, печного дыма.

Кроме сирени, на рубеже веков сделались очень распространенными и другие цветущие и сильно пахнущие деревья и кустарники — черемуха, жасмин (чубушник), желтая акация, жимолость. Объяснялось это не только любовью к всевозможным редким и сильным ароматам, которая была характерна для эпохи, но и вниманием к ночному облику усадебного сада. Прекрасные свежие запахи вечернего весеннего сада не просто обостряли чувства, но и оставляли место для мистического общения с Космосом, с Богом.

Пихтовая аллея в парке подмосковной усадьбы Вороново. Фото автора. 2000.

Парк. Худ. С.Ю. Жуковский. Открытка нач. XX в.

Одним из любимых усадебных кустарников того времени стала обыкновенная желтая акация — частая и верная спутница главного дома. Верная, потому что акация никогда не «уходит» с места первоначальной посадки, сохраняя память о давно исчезнувшей жизни. Акацией нередко обсаживали и дорожки — она быстро росла, ее легко было стричь, ее густые кудрявые купы хорошо спасали от летнего солнца и любопытных глаз. А.Н. Греч остроумно заметил, что в России акация заменила виноград и вьющуюся розу Италии.⁴⁴ Такие шпалерные посадки акации были в парке усадьбы Рождествено, напоминавшем парки соседних усадеб Звенигородского уезда — Ильинского, Петровского, Усова: «Здесь прихотливо вьются дорожки, сначала около дома, в кустах буйно разросшейся сирени, потом среди шпалер некогда подстригавшихся акаций.»⁴⁵

Очень интересным парковым элементом эпохи символизма были *аллеи-вензели*, *аллеи-монограммы*. Их типологический ряд совершенно не изучен, поскольку само его существование до сих пор не было отмечено в научно-исследовательской литературе. Довольно трудно и датировать многие из дошедших до нас образцов. Об их распространенности сейчас судить трудно, поскольку известны лишь единицы, да и то в основном по публикациям. Так в одной из самых ранних русских усадеб — Глинках графа Брюса деревья были посажены по мадонским знакам⁴⁶. В псковской усадьбе князя А.Г. Гагарина Холмки была устроена липовая аллея в виде буквы «Г», спускавшаяся с холма к реке.⁴⁷ Парк родовой усадьбы Воронцовых-Дашковых Ново-Томниково в Тамбовской губернии, по свидетельству их потомка, с птичьего полета представлял собой хорошо читавшиеся буквы «ГВД» — граф Воронцов-Дашков⁴⁸. Этот вензель, скорее всего, обозначивала неширокая парковая протока, до сих пор просматривающаяся в за-

рослях и имеющая плавные извилистые очертания. В тамбовской усадьбе Раствова парк в плане имел форму музыкального скрипичного ключа⁴⁹.

Некоторые аналогичные находки удалось сделать и автору, в путешествиях по среднерусским усадьбам — во владимирской усадьбе Фетиньино — родовой вотчине графов Зубовых, затейливый рисунок парковых аллей и обсадки кустарников рядом с несохранившимся главным домом образует два пересекающихся круга (радиусом, примерно, 20-25 м), которые в плане составляют букву «Ф» — начальную букву ее названия. Вензель «ФМ» обнаружен в подмосковной усадьбе Муриково, где он обозначает первые буквы имен последнего владельца — Федора Безобразова и его жены Марии. Вероятно, такие примеры могут быть умножены.

Первые два приведенных примера бесспорно относятся к XVIII в., остальные можно датировать серединой — концом XIX в. Если попробовать интерпретировать их в связи с мировоззренческими категориями, то ранние следует отнести к аллегорическому, а поздние к, отчасти наследовавшему ему, символическому типу мышления. Хотя внешние проявления их в этом случае очень схожи, нетрудно заметить, что в первых случаях образцы были более абстрактны, а во втором — более привязаны к реалиям семьи или рода. Во всяком случае, сведения о подобных аллеях, встречающихся в усадебных парках эпохи символизма, расширяет наши представления о специфике русского паркостроения этого времени.

Пруд. До сих пор не подчеркивалась и другая важная особенность русских парков — практически обязательное наличие прудов. А между тем их количество, формы и характер использования существенно отличались от озер, каналов или бассейнов в парках, скажем, Франции или Англии. Причиной тому было чисто российское обилие ключей, ручьев и малых рек на всей европейской территории страны. Издавна в среднерусских усадьбах устраивали на них запруды, а кроме того копали небольшие пруды-садки, где держали пойманную для стола рыбу или растили мальков. Нередко рыбу в них кольцевали, что нашло отражение в легендарных рассказах о пойманных столетних карпах, карасях или щуках, пущенных «самим Петром Великим».

Ландшафтная и хозяйственная целесообразность — это свойство русских усадеб, бывшее чаще всего плодом творчества их владельцев. Образованные, знакомые с современными экономическими изданиями, обладавшие широким кругозором, включавшим западноевропейские впечатления, и в то же время, с детства знакомые с проблема-

Пруд в усадьбе Узкое. Фото автора. 2001.

ми русского усадебного хозяйствования они, нередко лучше, чем любые приглашенные архитекторы и инженеры могли оценить пригодность тех или иных планировочных и технических новаций к жизненным реалиям.

Как известно, часто встречаются утверждения владельцев, что они сами распланировали усадьбу и ее парк, составили проект усадебного дома (даже в тех случаях, когда его автором являлся крупный зодчий своего времени — В.И. Баженов, М.Ф. Казаков, Д. Кваренги, К.И. Бланк и другие) и хозяйственных построек. Эти утверждения справедливы не только для рубежа XVIII-XIX вв., но и для рубежа XIX-XX вв., когда профессия архитектора стала гораздо более распространенной, а потребность в ее услугах легко удовлетворяемой. Владельцы, действительно, нередко определяли планировки своих усадеб, что подтверждается хотя бы наличием упомянутых выше аллей-вензелей. Конечно, вклад хозяев этим не ограничивался. Владельцы обычно сами подыскивали место для размещения усадьбы, а таким образом, намечали основы ее последующей композиции. Особое значение это приобрело после реформы 1861 года, когда объемы возможных земельных преобразований в большинстве вновь создаваемых усадеб стали минимальными.

Исчезновение из подручного обихода помещиков даровой рабочей силы не могло не сказаться на сокращении разного рода землеустроительных работ. (Лишь в немногих крупных и богатых имениях иногда осуществлялись довольно крупные преобразования рельефа местности, масштабные мелиоративные и гидротехнические работы.) В числе средств парковой выразительности остались только самые доступные и рациональные. К ним относятся и пруды. Именно простота устройства сделала их непременным и многочисленным элементом русских парков

Заросший пруд с островом в усадьбе П.П. фон Дервиза Старожилово. Фото автора. 2001.

на протяжении всего Нового времени. Однако стоит отметить, что технология прудостроения, если так можно выразиться, была частью и народной культуры. В крестьянской среде существовала особая профессия — граборство. Граборы, владели техникой любых земляных работ — рыли пруды, канавы, погребя, отсыпали плотины, делали плитовку лугов, отделявали парки, штыковали сады и огороды, выкапывали торфяную землю и пр. По воспоминаниям современника «граборы очень интеллигентны и смыслены. (...) настоящий грабор отлично определит, как нужно провести канавы, чтобы осушить луг, отлично спустит воду, сделает запруды и стоки, чтобы найдешевейшим способом исправить худое место на дороге (...), вычистит ёмкость вырытого пруда (для этого всегда в артели есть особенный умственный человек), поставит лизирки, чтобы нивелировать местность».⁵⁰ Наличие таких народных землеустроителей, кстати, объясняет отсутствие каких-либо подробных чертежей на предлагаемые парки, пруды и запруды во многих усадьбах. Их создавали просто «по месту».

Тема обводнения усадебных парков очень богата и столь же мало исследована. В данной работе нет возможности охватить ее целиком. Наметим лишь некоторые ее аспекты. Как и другие планировочные элементы парка, пруды нередко наделялись определенным символическим смыслом в общей композиции. На рубеже XVIII-XIX вв. большую роль во многих парках играла мasonicкая символика. Сравнительно хорошо известна система прудов и каналов подмосковного Алмазова, несомненно наделенная мasonicким содержанием (впрочем, символика этого ансамбля по настоящему не исследована). К аналогичным явлениям достаточно определенно можно отнести квадратный пруд с круглым островом в подмосковной Никольское-Урюпино, квадратный пруд с квадратным островом и кубической беседкой в Никольском Аладыных (Нерехтский у., Костромская губ.), круглый пруд («Всевидающее око») на линзообразной площадке между двумя террасами и шестиугольный остров («Звезда Давида») на пруду в двух других усадьбах Костромской губернии⁵¹. Возможно, с той же темой можно связать и пруд с островками в форме вопросительного знака в усадьбе Воспушка Владимирской губернии, обнаруженный автором (интересно, что в другой владимирской усадьбе — Богородском Кречетниковых еще недавно существовали искусственные холмы с плоскими вершинами в виде запятой, восклицательного знака и точки). Не исключено, что их можно также датировать рубежом XVIII-XIX вв., однако символика их пока не исследована.

Старица Киржача перед главным домом в усадьбе Усад Владимирской области. Фото автора. 1998.

Нижний пруд с островом в форме вопросительного знака в усадьбе Воспушка Владимирской области. Фото автора. 1998.

По-видимому, нередко были в русском паркостроении и пруды, имевшие узнаваемые изобразительные формы — предметные, природные, географические. В шереметевском Останкине существовал копанный пруд в виде лиры⁵². В Смоленской усадьбе Васильевское пруд перед домом имел в плане очертания двуглавого орла.⁵³ Пруд в форме рыбы с раздвоенным хвостиком и глазом-островом обнаружен В.А. Агальцовой в ганнибаловской усадьбе Воскресенское на Псковщине. К более поздним затеям, скорее всего, относятся пруды в форме Северной и Южной Америк в усадьбе псковской Алтун⁵⁴ и в усадьбе Долгоруких в Шуйском уезде Владимирской губернии⁵⁵. В пользу их более позднего происхождения «географически» парковых затей говорит наличие аналогичных элементов в поздних парках Крыма и Кавказа. Бассейны-пруды в виде Черного моря были устроены в парках близ Сочи (теперь совхоз «Южные культуры»; парк начала XX в.) и в Саках около Евлатории (1892)⁵⁶. Этот перечень, собранный по крохам, заставляет предположить, что изобразительность была присуща многим парковым элементам, в том числе и прудам, на протяжении всего XIX в. однако их типология и символический знаковый смысл — тема, безусловно, требующая специального исследования.

Для более подробного рассмотрения в данной статье выбран интересный, сугубо национальный и широко использованный в поздних усадьбах тип прудов-стариц, ранее также никогда не рассматривавшийся. К числу совершенно неизвестных русских усадеб середины XIX — начала XX вв., но самобытных и не имеющих аналогов в европейской архитектуре, относится Усад, принадлежавший Т.С. Морозову. Хотя постройки усадьбы, в том числе дом С.Т. Морозова, возведенный

Пруд в форме карты Северной и Южной Америк в усадьбе Алтун Псковской области. (Ближе к зрителю — «Южная Америка») Фото автора. 2000.

по проекту Ф.О. Шехтеля, не дошли до нашего времени, о ее уникальном архитектурно-планировочном замысле можно до сих пор составить представление по сохранившейся обширной водной системе. Усадебный ансамбль здесь был сформирован на базе «стариц» Киржача — одного из основных притоков Клязьмы.

Используя «старицы» — старые русла этой неверной, часто менявшей свой путь реки, владелец получил возможность, лишь слегка «подправив» природу, получить развитую систему усадебных водоемов с островами и бухтами. Тихие старицы гарантировали покой в пору весенних паводков, близость же основного русла реки позволяла регулировать в них уровень и смену воды. Обустроив усадьбу, Т.С. Морозов, скорее всего, углубил места соединения главной старицы перед домом с рекой и подсыпал берега небольшого, разделявшего их острова. (Сейчас, к сожалению, без должного ухода старица сильно заболотилась, ее зеркало полностью покрылось ряской.)

До сих пор прочтываются и некоторые другие парковые затеи Усада. Недалеко от дома в устье еще одной старицы, «впадавшей» в главную, по-видимому существовала лодочная пристань. (Сейчас здесь свалка мусора пионерского лагеря, находящегося на усадебной территории). Прогулка на лодке по этим местам, в самом деле, кажется весьма заманчивой — причудливо изгибающиеся русла стариц образуют небольшие островки, между которыми можно долго кружить, меняя точки зрения на усадьбу и ее окрестности.

Через вторую старицу по «горбатуму» деревянному мостику проходила одна из главных парковых аллей Усада. Вдоль ее неглубокого русла были устро-

ены и основные парковые поляны, на которых до сих пор поражает изысканный контраст крон величавых старых деревьев — дубов, сосен, лип, берез. У их подножия сохранились заросли вечно зеленого барвинка. Все это свидетельствует о том, что в создании усадьбы принимал участие настоящий знаток садово-паркового искусства своего времени.

Старицу как элемент паркового ландшафта использовали и Салтыковы — последние владельцы поздней владимирской усадьбы Митино, расположенной близ села Караваява. Сам несохранившийся усадебный дом находился на берегу реки Пекши, а парк включал в себя несколько ее стариц. Одна из них до сих пор образует в прибрежной части парка небольшой подковообразный пруд с вдающимся в него насыпным возвышенным полуостровом. Другая, находящаяся теперь за шоссе-сейной дорогой, неподалеку от не дошедших до нашего времени служебных и хозяйственных построек усадьбы, сохраняя свои первоначальные очертания, но для ежегодного наполнения водой в ее береговом откосе был устроен выход протяженного, обложенного кирпичом водовода, соединенного с берегом Пекши. Сейчас он повидимому засорился, а при прежних хозяевах работала следующая, весьма рациональная система — во время весеннего паводка, когда вода поднималась до уровня водовода, ее излишки стекали в старицу. Это одновременно предохраняло от чрезмерно высокой воды дом, находившийся на берегу, и делало старицу (примерно в 800-1000 м от дома) привлекательным компонентом усадебного парка.

Углубленная старица, превращенная в канал, была важным элементом парковой композиции в костромской усадьбе П.И. Бирюкова, созданной в конце XIX в.⁵⁷ Приведенными вариантами использование стариц в среднерусских садово-парковых усадебных композициях, конечно, не исчерпывается. Скорее всего, в усадьбах по берегам многих больших и малых рек можно найти и немало других интересных и непохожих друг на друга примеров. Остановившись на прудах-старицах, мы лишь наметили один из совсем неизученных аспектов позднего русского усадебного паркостроения.

Пруд в Узком. Худ. А. Кравченко. 1924.

Из сооружений в поздних усадебных парках наиболее распространены оставались **беседки**. Почти вышли из употребления парковые галереи, музыкальные павильоны, гроты⁵⁸ и другие дорогостоящие затеи богатых аристократических вотчин. Всем элементам поздней усадьбы, даже самым романтичным, были, прежде всего, присущи целесообразность и простота устройства. Функциональность усадебных беседок, вероятно, и сохранила их популярность в усадьбах рубежа XIX-XX веков. Они позволяли несколько подправить нашу неустойчивую погоду, давая крышу над головой в жару и в дождь. Во многих поздних парках продолжали строить традиционные для рубежа XVIII-XIX вв. «белью» или «миловиды»,

откуда обитатели усадьбы могли полюбоваться родным простором. Беседки близ дома нередко делались обширными, рассчитанными на всю семью, и предназначались для семейных обедов, чаепитий или карточных игр на лоне природы. Такова, например, восьмигранная в плане деревянная беседка в Богданове А.Ф. Витова (Костромская обл.)⁵⁹, выстроенная рядом с главным домом в 1900-х гг. (по проекту архитектора А.А. Галецкого (?)). В городской усадьбе купца Н.М. Бардыгина в Егорьевске двухэтажная беседка служила не столько для семейных встреч, а была своего рода летним спальным помещением, где хозяин отдыхал днем⁶⁰.

В поздних усадьбах подобные большие беседки иногда весьма оригинально соединяли с домом посредством крытого перехода или мостика. Такое необычное сооружение до недавнего времени сохранялось в подмосковной усадьбе Брокеров под Пушкино⁶¹. Двухэтажный деревянный дом стоял там на берегу оврага, по-

Беседка перед главным домом в усадьбе С.П. фон Дервиза Кирицы Рязанской области. Фото автора. 1997.

Беседка с жилой комнатой на втором этаже в саду городской усадьбы Н.М. Бардыгина в Егорьевске. Арх. И.Т. Барютин. 1890-е гг. Фото нач. XX в.

Беседка в усадьбе А.Ф. Витова Богданове в Костромской области. Арх. А.А. Галецкий. Нач. XX в. Фото 1987 г.

росшего редким лесом. На уровне первого этажа от него отходил неширокий прямой деревянный помост на столбах, оканчивавшийся почти на самой бровке оврага, уже довольно высоко над землей (отметки земли к краю оврага понижались), многоугольным шатровым залом-беседкой, с которой, вероятно, было удобно и приятно любоваться далекими окрестностями. Конечно, приведенный пример соединения дома и беседки очень редок, если не уникален.

Чаще же всего встречались беседки маленькие — для уединенного разговора или чтения. Их даже в больших парках обычно было несколько. Примером может служить владимирская усадьба Орехово Н.А. Жуковского⁶², где в средокрестиях аллея старинного регулярного парка XVIII столетия владельцы неизменно возобновляли простые деревянные шатровые беседки. С окончанием эпохи ампира, из усадебного обихода постепенно ушла прелестная круглая беседка-ротонда на белокаменных колоннах, такая как в Ильинском или Суханове, уступив место

более простым деревянным аналогам, нередко украшенным пропиленной резьбой в русском стиле. Такие сооружения в русских усадьбах были весьма многочисленны, но они почти не дошли до нашего времени. Иногда строились специальные детские беседки. В качестве известного примера приведем

«избушку на курьих ножках» в Абрамцево, построенную по рисунку В.М. Васнецова. Однако, наиболее доступным и распространенным во второй половине XIX — начале XX в. был тип простой квадратной или многоугольной в плане беседки, конструктивную основу которой составляли столбы, врытые в землю, накрытые шатровой кровлей. Хотя, как часть архитектурного ансамбля усадьбы, беседки были подвержены стилистическим изменениям, стоит сказать, что такие конструкции использовались на протяжении всего периода XVIII — начала XX вв. С возрождением в 1910-х годах усадеб в неоклассическом стиле в наиболее богатых ансамблях незамедлили вновь появиться и белокаменные купольные ротонды. Две прелестные, немного гротесковые ротонды-миловиды в ионическом и римско-дорическом стилях для З.Г. Морозовой-Рейнбот выстроил в Горках в 1910-х гг. Ф.О. Шехтель.

Беседка-ротонда в подмосковной усадьбе З.Н. Морозовой-Рейнбот Горки. Арх. Ф.О. Шехтель. 1910-е гг. Фото автора. 1999.

***

Представленные рассуждения, конечно, только намечают пути дальнейшего изучения русских усадебных садов эпохи символизма. В данной работе хотелось лишь подчеркнуть их глубокое мировоззренческое отличие от парков предшествующего периода — подчеркнута личностный характер и эмблематичность, знаковость основных элементов композиции. Именно благодаря этим качествам можно понять и интерпретировать всю сохраняющуюся в те годы совокупность садово-парковых ансамблей предшествующего времени, воспринимавшуюся последними владельцами в качестве современных садов и парков, наделяемых ими, таким образом, определенными черта-

ми символизма. Главенство архитектурно-планировочной схемы в этот период явно уступило место содержательному единству, включавшему ряд визуальных знаков, которые могли быть аранжированы в любых композиционных вариантах и интерпретированы в соответствии с миропониманием усадебовладельцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В этой уникальной по характеру обобщенного материала работе исследовательница предложила термин «натуральный сад» для определения русского пейзажного парка того времени, доказав, что, заимствовав элементы «регулярного» («французского») и «английского» парков, он был, тем не менее, совершенно самобытен. Этот термин был почерпнут ею из сочинений А.Т. Болотова, ратовавшего за распространение ландшафтных садов в России. Однако, несмотря на усилия Болотова, а затем Щукиной, в садово-парковой терминологии до сих пор наиболее употребимы определения «французский» и «английский», обозначающие регулярный и пейзажный принципы парковой композиции. Сегодня не имеет большого смысла их оспаривать, поскольку они удобны и достаточно ясно характеризуют предмет в глазах большинства любителей и знатоков. Однако, вопрос самобытности русского садово-паркового искусства остается по-прежнему малоизученным.
2. Катаев В. Мое родное Переделкино. // Советская культура, 1985, 8 января, с.6.
3. Об этом см.: Нащокина М.В. Русские усадьбы эпохи символизма. // Русская усадьба. Вып. 4(20). М., Жираф, 1998. С.316-345.
4. Эти мотивы были особенно характерны для символистской среды Москвы. «Московские символисты начала девятисотых годов, эти туманноглазые и косноязычные декаденты, эти полуфлорентийцы, получухны, не то полукривляки, не то полуклюкиши, а может быть, и зловещие русские пророки?.. Нигде в русской литературе нет такого, (...) инфернального предвидения наших времен, (...) как у московских символистов начала века. (...) Их всех тешит сладкое головокружение на краю бездны, они восхищены неминуемостью общей гибели. Это какое-то демоническое смакование всеобщей обреченности.» (Лукаш И.С. Московские весы. / / Со старинной полки. М.-Париж, YMCA Press, 1995. N).
5. Турчин В.С. Царство Флоры в поэзии А.С. Пушкина // Русская усадьба. Вып. 6(22). М., Жираф, 2000. С. 7.
6. Иванов В. Эрос. 1907.
7. Блок А. Краски и слова. // Золотое руно, 1906, № 1, с.102-103.
8. Щукина Е.П. Подмосковные усадебные сады и парки второй половины XVIII века. Дис. ...канд. архит. М., 1951. С. 347.
9. Духовская Л.Д. Последние дворянские гнезда. // Дворянские гнезда России. История, культура, архитектура. Очерки. М., 2000. С. 346.
10. Галиченко А.А. Мшатка. // Там же. С.326.
11. Нащокина М.В. Московская «Голубая роза» и крымский Новый Кучук-Кой // Русская усадьба. Сб. ОИРУ. 5(21) М., 1999. С. 137, 148.
12. Нащокина М.В. Русские усадьбы эпохи символизма. // Русская усадьба. Вып. 4(20). М., 1998. С.326.
13. Энке К. Каталог растений тепличных, оранжерейных и грунтовых Никольского сада князя Петра Петровича Трубецкого в селе Никольском, близ Москвы. М., 1860.
14. Там же. С.3.

15. Цит. по :Романюк С.В. По землям московских сел и слобод. М., 1998. С.18.
16. Лакшин В.Я. Сад. // Литературная газета, 1985, № 4(5018), с.5.
17. Батракова С.П. Чеховский сад. («Черный монах» и «Вишневый сад») // Чеховиана. Мелиховские труды и дни. Статьи, публикации, эссе. М., 1995. С.46.
18. Полнер Т.И. Символы «Вишневого сада». М., 1906. С. 15.
19. Там же. С. 30-31.
20. Миндовский Л.П. Воспоминания. [Усадьба Миндова]. // Русская усадьба. Вып.6 (22). М., Жираф, 2000. С. 416.
21. Там же. С. 429.
22. Там же. С. 430-431.
23. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Вып. II. Кострома, 2000. С.24.
24. Коробко М. Подмосковная Узкое. Имение и его владельцы. // Наше наследие. 1994. №29-30. С.129.
25. Баулина В.В. Сады и парки Горьковской области. Горький, 1981.
26. Баулина В.В. Указ. соч. С.144.
27. Васильева Л.П. Старые парки Смоленщины. С.27-29.
28. Подъяпольская Е.Н. Памятники архитектуры Московской области. Вып.1. М., 1998. С.214.
29. Там же. С. 212.
30. Баулина В.В. Указ. соч. С.159.
31. Там же. С. 148.
32. Подъяпольская Е.Н. Указ. соч. С. 211.
33. Васильева Л.П. Указ. соч. М., 1981. С.29-31.
34. Баулина в.В. Указ. соч. С. 52.
35. Там же. С. 145.
36. Там же. С. 63.
37. Васильева Л.П. Указ. соч. С. 32-33.
38. Васильева Л.П. Указ. соч. С. 34-35.
39. Там же. С.27.
40. Баулина В.В. Указ. соч. С. 149.
41. Там же. С. 159.
42. Памятники архитектуры Московской области. Вып. 2. М., 1999. С. 264-265.
43. Хохлова Е. «Когда они вспоминают нас — мы оживаем». // Наше наследие, 1996, № 38, с.133.
44. Греч А.Н. Венок усадьбам. // Памятники Отечества, 1995, № 32. С.9
45. Греч А.Н. Указ. соч., с.30
46. План летних экскурсий на 1924 год, устраиваемых Обществом изучения русской усадьбы. М., 1924. Цит. по: Русская усадьба. Сб. ОИРУ. № 4(20). М., 1998. С.
49. Жаль, что А.Н. Греч не конкретизировал это утверждение и не назвал сами знаки. Однако, важно, что они, высаженные, вероятно, в первой половине XVIII в., были заметны еще в начале нашего века.
47. Потресов В. Холомки. // Наше наследие, 1998, № 46, с.22.
48. Нащокина М.В. Ново-Томниково // Дворянские гнезда России. История, культура, архитектура. Очерки. М., 2000. С. 247.

49. Корнеев В.А. Тайна старинного парка. Тамбов, 1994. С.25.
50. Энгельгардт А. Из деревни: 12 писем. 1872-1887. // Наше наследие, 1991, № 1, с.17.
51. Сведения об усадьбах Костромской губернии получены от Д.Б. Ойнаса.
52. Греч А.Н. Венки усадьбам. // Памятники Отечества. Вып.32. М., 1995. С.124
53. Васильева Л. П. Указ. соч. С.39.
54. Юрьева И.Ю. Забытые пушкинские усадьбы Псковской области // Русская усадьба. Вып.1 (17). М.-Рыбинск, 1994. С. Автор этой статьи относит появление этих прудов к XVIII веку, однако, позднее происхождение многих парковых насаждений — серебристых тополей, лиственниц, пихт и т.д., думается, позволяет датировать их второй половиной XIX в. Впрочем, вопрос этот, безусловно, нуждается в дополнительном исследовании.
55. По сведениям Д.Б. Ойнаса.
56. «Саки» курорт. Сборник научных трудов курорта Саки. Вып. 1. Симферополь, 1935. С.17.
57. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Вып. II. Кострома, 2000. С.192.
58. Гроты, тем не менее, иногда строились, причем не только в поздних усадьбах, но и в дачах. До недавнего времени на территории одной из сокольнических дач в Москве сохранились остатки такого грота, построенного в самом конце XIX в.
59. Памятники архитектуры Костромской области. С.108.
60. Егорьевский городской голова Никифор Михайлович Бардыгин. 1872-1901. Репринт. М., СП «Вся Москва», 1992. С. 162.
61. К сожалению, деревянный дом усадьбы Брокеров сгорел в начале 1990-х годов.
62. Ширканова Е. Орехово // Дворянские гнезда России. История, культура, архитектура. Очерки. М., 2000. С.254.

Автор сердечно благодарит Э.Ф. Сун за предоставление редких видов усадьбы Плещеево.

Т.Е. Исаченко

ДВОРЯНСКИЕ УСАДЬБЫ В ЛАНДШАФТЕ ИЖОРСКОГО ПЛАТО

Дворянские усадьбы? явление многомерное, со своей историей, архитектурой, экономикой, культурой, бытом, природной средой, что позволяет рассматривать их с различных точек зрения: исторической, экономической, искусствоведческой. В настоящем исследовании предлагается взглянуть на усадьбу глазами географа. Взаимоотношения «усадебный комплекс (природный комплекс (ландшафт))» необходимо рассматривать в двух аспектах: 1) с точки зрения влияния усадьбы на ландшафт; 2) с точки зрения влияния ландшафта на структуру усадебного комплекса.

Первый аспект предполагает изучение дворянских усадеб как образцов гармонизованных культурных ландшафтов, наиболее полно раскрывших эстетический потенциал природных комплексов. Человек создает новые ландшафтные элементы: водные системы, каскады запруд, террасы на склонах, насыпные горки; привносит растительность, не свойственную данному региону, увеличивая тем самым биологическое и пейзажное разнообразие территории. Наличие усадебного парка делает неповторимым любой, даже самый непривлекательный ландшафт. Второй аспект включает анализ влияния природных особенностей территории на устройство усадеб. Комплексы в пределах одного ландшафта имеют общие структурные черты независимо от времени возникновения, состоятельности и художественного вкуса их владельцев.

Исследования проводились на территории бывшей Санкт-Петербургской губернии, где к концу XIX в. существовало более 1000 дворянских усадеб. В настоящее время на этой территории насчитывается около 300 сохранившихся усадеб (автором исследовано 108). Степень сохранности их различна. В полном объеме восстановлено только Приютино — музей-усадьба Президента Императорской Академии художеств, директора Публичной библиотеки А.Н. Оленина. Остальные усадьбы сохранились частично; в некоторых сохранился господский дом, усадебные строения и парк, в некоторых уцелели только фрагменты парка. В данном исследовании рассматриваются усадьбы, оставшиеся фрагменты которых позволяют судить о прежней усадебной структуре, а также практически не сохранившиеся комплексы, оставившие след в современном ландшафте.

Рассмотрим связь структуры усадебного комплекса с особенностями его расположения в ландшафте на примере Ижорского плато (возвышенности), которое находится на юго-западе Ленинградской области, захватывая небольшую часть территории Санкт-Петербурга. Граница ландшафта четко выражена на севере, где плато спускается восьмидесятиметровым склоном, а местами